

Л.С. Ильинская

**Легенды и археология.
Древнейшее
Средиземноморье**

Из истории мировой культуры

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Л11

Л11 **Л.С. Ильинская**
Легенды и археология. Древнейшее Средиземноморье: Из истории мировой культуры / Л.С. Ильинская – М.: Книга по Требованию, 2021. – 184 с.

ISBN 978-5-458-40547-8

В книге рассказано не только о подвигах, странствиях и приключениях легендарных героев, но и том, как с развитием науки менялось отношение ученых к античным мифам и какую важную роль в этом процессе сыграла археология. Для широкого круга читателей.

ISBN 978-5-458-40547-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

того же дикаря, но опустившего взгляд на землю и придавшего фантастическую форму окружающим его предметам⁷.

Тогда же появилась весьма популярная и в XX в. социологическая теория, создатели которой видели в греческих мифах об амазонках или в римской легенде о Танаквиле отражение матриархата⁸. Мысль о том, что мифы могли восходить к историческим событиям древнейшего прошлого Греции, в 60—70-х годах XIX в. казалась не заслуживающей серьезного внимания.

Сломать столь бескомпромиссное недоверие к мифологической традиции удалось лишь в конце прошлого столетия, когда вопреки общепринятому мнению ученых-специалистов гениальный дилетант-самоучка Генрих Шлиман, поверив в реальность воспетых Гомером событий, открыл в 1870 г. в Малой Азии легендарную Трои, а затем на Балканах — в Микенах, Тиринфе, Орхоме-не — царские дворцы и гробницы, поражавшие своим великолепием.

Не получивший специального филологического образования и далекий от понимания того значительного пути, который проделала классическая филология в критической оценке литературной традиции, Г. Шлиман возрождал дилетантски-наивную веру гуманистов в подлинность всего, что сообщали древние авторы о греческой или римской старине. Но его вера, подкрепленная недюжинным упорством и организаторским талантом, буквально сдвинула горы, тысячелетиями скрывавшие города легендарной эпохи. Описанная Гомером Троя, родина Пряма, Гектора и Париса и цель ратных подвигов Ахилла и Агамемнона, «златообильные» Микены, «крепкостенный» Тиринф — все это вставало перед современниками из трудов Шлимана, из этой пестрой смеси археологических публикаций и биографических данных самого исследователя. Скептики, не верящие книгам Шлимана, могли отправиться к местам раскопок (за его счет!) и убедиться воочию, что Троя действительно существовала, а богатые золотом погребения в окрестностях Микен относятся к древнейшей Греции, а не к византийскому или турецкому времени. Некоторые из исследователей, наблюдавшие за деятельностью Шлимана как археолога, в частности В. Дерпфельд, ставший его помощником, понимали, что Шлиман некритически воспринимает не только мифы, но и добытый им самим археологический материал. Однако Шлиман не ошибся в

главном — в существовании гомеровского мира, который мог быть изучен в перекрестном свете мифов и археологических данных. Уже после его смерти было установлено, что открытые им памятники Трои, Микен, Тиринфа намного древнее того времени, к которому греки относили Троянскую войну. История эгейского мира сразу углубилась по крайней мере на два тысячелетия, и в этих новых рамках стало возможным искать следы тех царств и народов, о чьем могуществе повествовали мифы.

Раскопки Шлимана, сколь ни блестящими были их результаты, велся непрофессионально: в ходе поиска «гомеровских» мест он разрушил, может быть, не меньше, чем открыл. Совершенно иным был уровень раскопок английского археолога Артура Эванса, с начала XX в. на протяжении четырех десятилетий копавшего на Крите. Фрески на стенах критских «дворцов», рельефы на сосудах, рисунки на миниатюрных каменных печатях — все это ошеломляло, напоминая грандиозный красочный альбом без пояснительного текста: таблички, в изобилии обнаруженные Эвансом в кносском дворце, долгое время не поддавались дешифровке, но, и расшифрованные (уже после смерти их открывателя), они почти ничего не дали для понимания духовного мира древнейших обитателей Крита, оказавшись документами хозяйственной отчетности.

Насколько противоположным могло быть восприятие открытого материала, ясно из оценки изображений быков на фресках кносского дворца и особенно на знаменитых золотых кубках из Вафио (Южная Греция) как А. Эвансом, так и другими исследователями, обращавшимися к истории Крита.

А. Эванс полагал, что на одном из кубков представлены эпизоды охоты, на другом — поимки молодого дикого быка с помощью прирученной коровы, служащей приманкой. В первой сценке бык идет по следу коровы; во второй — движением хвоста «вероломная подруга затевает любовный разговор»; в третьей — охотник, воспользовавшись этой любовной игрой, накидывает лассо на ногу могучего животного⁹. Немецкий исследователь К. Келлер увидел в сценах на кубках из Вафио осознанные догомеровским художником фазы одомашнивания дикого быка: охоту, поимку, приручение¹⁰. Другой немецкий ученый, А. Рейхель, объяснял поимку быков не хозяйственными потребностями, а чисто спортивным ин-

тересом¹¹. Один из первых советских авторов, занимавшихся Критом, А. Н. Дальский, считал все предложенные до него интерпретации кубков из Вафио антинаучными и утверждал, что речь идет о давно одомашненных игровых быках, прирученных наподобие кносских длительной упорной тренировкой к галопу и несению человека на рогах¹². Тот же автор трактовал изображения религиозных церемоний на кносских фресках как «процессии представителей родов, несущих предметы нового производства»¹³; его не смутило, что среди этих «предметов» были кастаньеты, флейта, лира, двойной топор, а многие участники шествия вообще ничего не несли, а воздевали руки в молитвенном экстазе.

Еще больший произвол царил в интерпретации менее красноречивых памятников. Немецкий историк 30-х годов Э. Бете усмотрел в устройстве лестниц кносского дворца свидетельство «женственности» критской культуры, в силу чего ей было суждено стать легкой добычей мужественных и воинственных индогерманцев. «Низкие широкие ступени лестницы, — писал Э. Бете, — лениво поднимаются к дворцам. Удобные для женщин, они были слишком низки для мужского шага»¹⁴. В те же годы В. Л. Богаевский расценивал критское общество как матриархальное, но его падение объяснял не вторжением извне, а начавшимся на Крите разделением труда — выделением скотоводов (вспомним все тех же быков!)¹⁵.

Таковы некоторые из археологических «мифов», возникших на почве изучения древнейших культур Эгеиды. Дешифровка документов Малой Азии, пролившие свет на истоки мифологических представлений древних критян, прогресс этрусской археологии — все это сделало подобные фантастические толкования достоянием историографии. И оживить их в памяти следовало лишь для того, чтобы дать представление о сложностях, возникающих при истолковании мифологического материала.

Прямое «совмещение» мифов и археологических находок может привести к созданию своего рода научных кентавров, этих никогда не существовавших сочетаний элементов, в реальности каждого из которых в отдельности не возникает сомнений. Но вероятность использования неправильных методов, разумеется, не должна бросить тень на древние легенды как источник, помогающий объяснить «невнятный», но обладающий огромным потенциалом язык археологии.

В свое время Дж. Грот, как бы оправдываясь перед критически мыслящими читателями в том, что начинает историю Греции изложением всякого рода «басен и легенд», привел античный анекдот о художнике Зевксисе, искусно нарисовавшем занавес, за которым ничего не скрывалось, кроме холста. Так и мифы и легенды греков, по мнению Грота, — это всего лишь красочный занавес, за которым нет никакой исторической картины, но все же они интересны, как живописное полотно¹⁶. Шлиман и Эванс «сдернули покрывало» с мира, не освещенного до того ни одним лучом света. Мифы и стали для них теми яркими лучами, которые осветили немые камни. Однако сами мифы, как показал последующий научный анализ, представляли сложный спектр разновременных элементов, пеструю гамму цветов, подчас несовместимую с точно датируемым археологическим материалом. Поэтому фантастической может быть интерпретация, даваемая памятнику, но не сам миф как источник знаний.

Мифологическая традиция, донесенная до нас легендами греков, впервые была зафиксирована Гомером в его знаменитых поэмах «Илиада» и «Одиссея». Как и эпические сказания других народов, гомеровский эпос значительно удален от той эпохи, которая находится в центре его повествования. От Троянской войны Гомера отделяли не просто несколько столетий, а целая пропасть. По одну ее сторону — общества со сложившейся государственной организацией, письменной традицией; по другую — примитивные общины, начинающие свою историю на развалинах эгейского мира. Переселения народов смели и «златообильные Микены», и «крепостенный Тириф», и множество других городов не только на Балканском полуострове, но в Малой Азии и Сирии. Волны их докатились до Египта, памятники которого повествуют о «народях моря» и одержанных над ними победах. Западные страны, прежде всего Италия с окружающим ее островами, приняли часть народов, вытесненных пришельцами с первоначальных мест обитания.

Гомеровские поэмы отразили эти события лишь косвенным образом, поведав о героях, не похожих на современников поэта, и о жизни, столь не похожей на ту, которой жил поэт. В распоряжении Гомера были воспоминания о прошлом, сохранившиеся в песнях аэдов, но в них по тем или иным причинам одни события приобрели огромное значение, а другие, может быть более важные, остались в тени.

Появление исторического начала в мифологии связано с созданием космогонических мифов. Их творцы пытались ответить на вопросы об истоках мира, земли, человечества, культуры, права и морали. В поэме «Теогония» поэт конца VIII — начала VII в. до н. э. Гесиод, рисуя картину «рождения» богов, стремится дать их «историю» в развитии. На смену одноглазым и многоруким чудовищам, порожденным Геей (Землей) и Ураном (Небом), приходят эринии, гиганты и нимфы; за временем Урана следует время Кроноса, а затем его потомков — олимпийских богов. Первоначальный Хаос, Уран, Кронос, Зевс — как бы четыре мифологические вехи в истории мироздания. Развитие истории человечества трактуется Гесиодом в другой поэме — «Труды и дни». Оно рассматривается им как смена золотого, серебряного, медного и железного веков¹⁷.

Гесиод жил в начале периода формирования греческих городов-государств, когда внимание мыслящего эллина еще могло быть направлено на мир богов. К концу того же периода, по крайней мере к середине VI в. до н. э., складывается устойчивый интерес к миру людей, возникает современница греческой философии — история¹⁸.

В труды первых греческих историков, еще не отчлененные ни от генеалогии, ни от географии, органически вплетается весь тот мифологический материал, который сохраняла письменная и устная традиция. И это не было слепым повторением старых легенд, а скорее стало идущим в переплавку мифологическим «сырьем». Мифы, отнесенные первоначально к различным местам ойкумены, охарактеризованным столь неконкретно, что трудно было угадать реальный прототип, в переработке историков конца VI—V вв. приобрели новую жизнь, привязанные к определенным географическим точкам. Расплывчатая картина мира, созданная Гомером, начинает истолковываться этими историками в свете новых знаний, привнесенных колонизацией, охватившей почти весь бассейн Средиземного моря, в том числе и далекие земли Запада, по которым странствовал Геракл, где нашел бесславный конец владыка Крита Минос и совершали подвиги другие герои греческих преданий.

Систематизацией этой переосмысленной традиции мы обязаны первым историкам, писавшим в VI—V вв. в полицах Малой Азии и Балкан, Понта Эвксинского и Великой Греции. Произведения их, к сожалению, утрачены,

и судить о них мы можем лишь по немногочисленным фрагментам, из которых тем не менее вырисовываются контуры огромного исторического полотна, послужившего главным источником для более поздних авторов, донесших до нас часть этого материала.

Ведущее место в выполнении такого гигантского систематизаторского труда принадлежит Гекатею Милетскому и Гелланику с острова Лесбоса.

В «Землеописание» Гекатея включены все земли, которые могли бы встретиться на пути корабля, плывущего от Геракловых столбов — этой крайней точки дальнего Запада — вдоль берегов Испании, Галлии, Италии и Балканского полуострова, мимо Фракии с заходом в Эвксинский Понт и затем мимо Малой Азии, вдоль финикийского и ливийского побережий Средиземного моря в сторону тех же столбов Геракла, от которых начинался путь. Знакомясь с далекими и близкими странами, лежащими в пределах круга земель, читатель Гекатея не только получал суюхую информацию о населявших эти края народах, но и погружался в наполненный живописными подробностями мир греческих мифов, повествующих о происхождении тех или иных народов и первоначальных местах их обитания.

Но если «Землеописание» — это в основном взгляд на ойкумену с борта обходящего чужеземные дали корабля, то собственно эллинское прошлое Гекатей стремился осмыслить в другом, более позднем сочинении. Оно в равной степени может быть названо и «Историей», и «Генеалогией». Историк излагает в нем то, что считает истинным, противопоставляя свое видение мира рассказам эллинов, которые, по его словам, «обильны и смешны»¹⁹. Отбрасывая все, что могло вызвать снисходительную улыбку тех его современников, кому не были чужды идеи зарождавшейся ионийской натурфилософии, Гекатей вычлняет из многочисленных рассказов о прошлом то, что, по его мнению, рационально объясняет деяния, приписываемые героям: столкновения племен, названия городов, переименовывающиеся генеалогии — свидетельства родства многочисленных эллинских племен, населявших земли Эллады или заброшенных волею судеб в дальние края.

Не зная полностью ни одного из произведений Гекатея, трудно сравнивать их с дошедшими до нас в столь же незначительных фрагментах сочинениями его младшего современника Гелланика, но можно думать, что он

продолжал и углублял начатый Гекатеем систематизаторский труд. Если у Гекатея вся генеалогическая история укладывалась в четыре книги, где прошлое Эллады начиналось с Девкалионова потопа и заселения потомками Девкалиона Фессалии, то Гелланик посвящает Девкалиону и Фессалии целое сочинение — «Девкалионию».

Рассказ об отдаленном прошлом мог строиться только на том материале, который содержала устная греческая традиция, красочная и многообразная, но противоречивая в силу политического сепаратизма многочисленных греческих полисов. Этот материал был источником и для Гекатея, и для Гелланика, и в равной мере для других историков их поколения. Но, помимо использования мифологического материала во всех без исключения сочинениях, которых известно по названиям и фрагментам около трех десятков, в пяти из них (условно названных в новое время мифографическими) Гелланик излагает в единой системе всю греческую легендарную традицию, разбивая ее на циклы. Будучи первым историком, понявшим необходимость хронологической основы, Гелланик предложил вести для отдаленного прошлого счет по поколениям, и все греческие предания были вписаны им в эту сложную и разветвленную систему.

Наряду с Гекатеем и Геллаником, запечатлевшими мир эллинского прошлого, множество других авторов оставили нам реальную или легендарную историю своих городов и окружавшей их территории. Так, Харон Лампсакский поведал о землях Лампсака, Ксанф Лидийский — о Лидии, Акуссплай Аргивский — о прошлом Аргоса, Антиох Сиракузский изложил предания, связанные с Сицилией и Италией.

Все эти авторы, используя мифологический материал, составляли списки царей, архонтов, эфоров, жрецов и жриц, выстраивая их в своего рода хронологические ряды, начинавшиеся от Девкалионова потопа или от падения Трои. Генеалогические традиции, основанные на устных преданиях, известны и у новых народов Европы, Африки, Северной и Южной Америки. Сложность установления с их помощью абсолютной хронологии и перевода на принятую у нас эру связана с тем, что разные авторы брали за длительность жизни поколения то 29, то 33, то 40 лет²⁰.

Происхождение народов, образование союзов, вражда их владык, расцвет и падение царств, опустошительные

войны и передвижения этнических групп — вот те события, которые первые историки запечатлевали в период, когда устные генеалогии и предания, хранимые аристократическими родами, были еще свежи в памяти. При всех неизбежных искажениях созданная ими картина имела то неоспоримое достоинство, что была целостной. И, сохранись до наших дней хотя бы часть этих трудов, мы располагали бы неизмеримо большими возможностями для поиска в легендарном слое того исторического верна, выявлению которого способствует современная археология. Однако ни один из них не дошел до нас в сколько-нибудь значительных фрагментах и осколки общенного в VI—V вв. мифологического материала попадают к нам из вторых-третьих рук.

Труд Геродота не был новой ступенью в развитии исторической мысли. Используя, подобно Гекатею и Гелланику, мифологический материал при изложении древнейшего периода греческой истории, Геродот не перенял их рационалистических приемов и остался на позициях предопределенности исторических событий богами или роком. Не только прошлая, но и современная ему история (греко-персидские войны) превращена Геродотом в серию драматизированных новелл по образцу трагедий Эсхила²¹.

Напротив, интересы создателя научного направления античной историографии Фукидида лежат в сфере современной ему политики и истории (Пелопоннесская война), но тем не менее его экскурсы в догреческую и греческую древность уже не переложение, а интерпретация мифов.

Эллинизм, подготовленный кризисом греческого полиса, рожденный в вихре восточного похода Александра Македонского и сумятице последовавших за ним междоусобных войн его полководцев и их потомков, породил новое отношение к культурному наследию прошлых веков. Более близкое знакомство с культурой и религией восточных народов, ставших частью греческой государственной системы, способствовало созданию синкретической культуры, в которую наряду с философско-этическими представлениями разных народов вошли греческие, египетские, вавилонские предания. На формирование нового подхода к мифам наложила отпечаток и господствовавшая политическая система эпохи — эллинистическая монархия.

Впервые новые веяния в трактовке мифов отчетливо

проявились в творчестве сицилийца Эвгемера, находившегося между 311 и 299 гг. до н. э. на службе у македонского правителя Кассандра. В отличие от Гекатея и Гелланика, пересказывавших греческие мифы и лишь изредка вносивших в них рационалистические поправки, Эвгемер ломает само представление о богах. Воспользовавшись приемом Платона, сконструировавшего мифический остров Запада Атлантиду, Эвгемер создает никогда не существовавший остров Панхайю на Востоке, у берегов далекой Индии, и делает его очагом древнейшей цивилизации и почвой социальной утопии. Мы знаем об утопии Эвгемера главным образом по изложению Диодора²². Надо думать, что сам Эвгемер основным в своем рассказе о счастливой жизни на прекрасном и обильном плодами острове, где царят благополучие и справедливость, считал выработанную им модель политической системы. Привнеся в нее элементы, знакомые из практики эллинистического Египта и преданий о прошлом Крита, он предлагает как бы модель общества, живущего по мудрым законам, установленным в незанятные времена добродетельными царями, им управлявшими и обожествленными. Об этих законах Эвгемер якобы узнал из «Священной записи о деяниях Урана, Кроноса и Зевса», написанной на золотую стелу, выставленную в храме Зевса Трифильского — эпитет, обусловленный тем, что население острова делилось на три фило. Внимание современников Эвгемера привлек, однако, не проект политического устройства чудесного острова, а высказанная им идея о природе богов, созвучная эпохе эллинизма, когда грекам постепенно становилась привычной чисто восточная концепция обожествления царствующих правителей. Боги, утверждал Эвгемер, — это справедливые правители прошлых времен, получившие божеские почести и бессмертие большей частью благодаря благодеяниям, оказанным людям, хотя некоторые из богов получили их потому, что пользовались уважением завоеванных ими народов, которые и провозглашали их богами. Разумеется, не все античные читатели Эвгемера приняли эту идею. Некоторые обвиняли его в безбожии, поскольку он осмелился приписать богам человеческую сущность. Но в целом эпоха эллинизма, склонная к скепсису и систематизации, создала благоприятную почву для развития эвгемеризма (так стали называть в новое время эвгемеровский принцип рационалистического толкования мифов о богах или о таких культурных героях, как Геракл и

Аристей), он получил широкое распространение в последующей греко-римской литературе.

Из эллинистических авторов, не принявших эвгемеризма, наиболее систематически — по циклам — изложил мифологический материал александрийский грамматик II в. до н. э. Аполлодор в произведении, названном им «Библиотека».

Напротив, Диодор Сицилийский, чья «Историческая библиотека» — основной источник по преданиям, относящимся к Сицилии, во многом придерживался принципов Эвгемера. Принимая одну из версий мифа, он обычно разбивает сюжет таким образом, что герой или бог, почитаемый в разных частях греческого мира, становится «путешественником», странствующим от одного места своего культа к другому. При этом герои, прославившиеся похожими подвигами и носящие разные имена, превращаются в одного героя, и только по содержащимся в версиях противоречиям или по сообщению автора, что герой известен под двумя или тремя именами, можно догадаться, какая проделана работа для устранения несоответствий и придания повествованию стройности.

Характерная особенность изложения мифов Диодором — это стремление выйти за пределы мест классического действия мифов — Балканского полуострова, островов Эгеиды, Малой Азии, Египта. Он предпочитает те варианты, в которых регион главных событий становится Сицилия и соседствующие с ней земли. Здесь определенно сказывается патриотизм Диодора, уроженца Сицилии, не желавшего мириться с тем, что его остров, согласно локализации гомеровских преданий, был для современников Троянской войны лишь местом обитания чудовищ и разбойников (Сциллы и Харибды, циклопов, лестригонов). Опуская эти не украшающие Сицилию рассказы, историк подробно повествует о деяниях в Сицилии и на близлежащей Сардинии таких героев, как Геракл, Иолай, Аристей, Дедал.

Если легенды, относящиеся к древнейшей истории Сицилии известны нам главным образом благодаря «Исторической библиотеке» Диодора, то предания, касающиеся древнейшей Италии, сохранены в «Римских древностях» знаменитого антиквара Дионисия Галикарнасского, жившего, как и Диодор, в последние годы Римской республики и начале империи. Многочисленные греческие и римские предания, связанные с названиями местностей, рек, городов, изложил их младший современник Страбон